

Валентина Скиданова

ШУТКА КАК ОБЪЕКТ СМЕХОВОГО ТВОРЧЕСТВА

Хочешь, чтобы твои слова слышали, – говори громко.

Хочешь, чтобы твои слова слушали, – говори по делу.

Хочешь, чтобы твои слова уважали, – говори честно.

Хочешь, чтобы твои слова не забывали – говори умно.

А хочешь всего этого сразу – говори смешно!

Народная мудрость

Можно ли представить мир без шуток? Вряд ли. Мир без них был бы просто скучен, жесток и страшен. Шутка, юмор, ирония, смех давно являются предметом исследования многих философов, филологов. В этой связи следует обратить внимание на произведения Аристотеля, П. Льюиса, К. Сигова, Р. Фишера, А. Бергера и других. Можно также отметить, что ежегодно, вот уже 6 лет, в Одессе проходит международная конференция по этой многогранной, многоаспектной проблеме, результатом которой является публикация сборников интересных исследовательских статей. Но до сих пор эта проблема привлекательна и появляются все новые и новые аспекты для анализа такого явления как шутка, юмор, смех.

Если мы обратимся к истории проблемы, то можем отметить, что, по данным научных исследований, юмор зародился уже давно (считают – около 2 млн. лет назад). Даже пещерные люди любили грубые и довольно убогие, на наш взгляд, шутки. По мнению многих ученых, классической шуткой пещерного человека был рисунок, на котором изображался спотыкающийся о камень сородич. Это наиболее старая известная шутка. Ее возраст – около 1,8 млн.–2 млн. лет. Следует отметить, что вид чужого падения практически всегда вызывает смех и у современного человека. На этом, кстати, построены любимые нами кинокомедии Чарли Чаплина, а также не менее любимый всеми мультфильм «Том и Джерри». Многократные падения, спотыкания, удары по голове всегда вызывают смех в зале.

Считается, что наши очень далекие предки обращались к юмору, шутке, чтобы уменьшить ежедневное напряжение и отвлечься от проблем, подобно тому, как это делает и современный человек. Может быть, пещерный человек *Homo habilis* (человек умелый) использовал юмор и затем, чтобы сообщать соплеменникам свои чувства еще до того, как у него появилась полноценная возможность сказать о них.

Само ироническое обращение к действительности, шутливое рассмотрение тех или иных проблем жизни и человека было присуще и философской иронии Гераклита, и сатирическим одам Ксенофана, и Демокриту, а также Сократу. Ирония является отличительной чертой диалектического метода Сократа, как способа ведения диалога в поиске

истины. Его «ирония полагает одновременное наличие двух смыслов – прямого, буквального и скрытого, обратного, фразы и антифразы» [5, с. 83]. Именно ирония и шутка в системе взглядов и в жизни Сократа, отмечает Т. Н. Кухарук, выполняет яркую, определяющую функцию, где «игра слов, шутка, ирония, задавая действенный заряд сознанию, становятся своеобразным методом постижения окружающей действительности и мира самого человека» [5, с. 86].

Мы часто задаемся вопросом о том, как появляются шутки, анекдоты, да и вообще разные розыгрыши, которые сопровождают нашу жизнь, и как они воспринимаются людьми? Ведь юмор – это одновременно и универсальное и индивидуальное явление. Всем известно, что существуют определенные комические вещи, которые могут оценить все независимо от возрастной, национальной, культурной принадлежности. Однако и известно, что у разных культур, возрастов, а также полов юмор разный. Установлено также, что даже люди одного возраста, одной культуры могут совершенно по-разному оценить одну и ту же шутку, анекдот. Шутка может рассмешить в одних условиях и не понравиться в других.

В связи с этим основная **задача статьи** – показать некоторые принципы различного понимания шуток, анекдотов, розыгрышей. А также показать, на сколько шутка и связанная с ней ирония может быть определенным методом постижения окружающего мира и мира самого человека, – и в этом **цель статьи**.

Существуют несколько теорий, объясняющих происхождение шуток.

Одна из них утверждает, что комический эффект создается с помощью несоответствия ожидаемого с происшедшим на практике. Например, одна из шуток КВН: Сколько секунд сможет прожить Роман Абрамович на минимальную зарплату?

Представители другой теории считают, что люди смеются над теми, над кем они ощущают превосходство. Например: Тоска – это неясно сформулированная цель. Или: Эстонские кулинары изобрели медленно растворимый кофе.

Ну, а третьи считают, что мы можем свободно смеяться над тем, что в реальной жизни может нас обидеть, а юмор входит в так называемую «сферу игр» [3, с. 20]. Например, из объявления: За 150 долларов сниму наговор, что вы лох. Обращаться придется периодически.

Все перечисленные теории отражают разные аспекты, принципы смеховой культуры: ее функции, поэтику, механизм появления и проявления юмора.

Жизнь многогранна и рядом с хорошим, привлекательным, добрым всегда есть что-то невзрачное, плохое. Но даже зачастую хорошее в очень больших количествах может становиться негативным. И юмор всегда первым замечает эти негативные места и первым обращает на них

внимание. В качестве примера можно вспомнить несколько известных шуток – афоризмов: Мало знать себе цену, надо еще пользоваться спросом. Или же: Самое обидное, когда твоя мечта сбывается у кого-нибудь другого.

Представляется, что искусство комического должно ставить перед собой задачу многообразия комического, соответствующего реальным эмоциональным возможностям человека. Известно определение комического как несоответствия между старым, отжившим содержанием явления и формой, которая претендует на значимость, между высокой целью и никуда негодными средствами охватывает узкую сферу комического. В качестве примера можно отметить, что элементарное комическое нельзя подвести под это определение, а без него не обходится ни один сложный жанр искусства. Несоответствие или нелепость в одежде, большинство цирковых приемов относятся к элементарному комическому. По сути, объектом комического может быть все, что имеет для человека смысл и допускает игру со смыслом, которое вызывает удовольствие и соответствующую эмоциональную реакцию.

Действие и смысл опосредуют отношения между субъектом и объектом. И, если действие касается комической техники, то, смысл – это восприятие комического. Комическая техника предназначена для ведения игры смыслов, наглядных и понятийных, так, чтобы у воспринимающего человека вызвать эмоциональную положительную реакцию – смех.

«Как-то раз правительство подумало о народе... И нет здесь ничего смешного», – гласит одна из шуток.

Жизнь сама придумывает шутки. И произведение (шутка, анекдот) существует только тогда, когда есть заинтересованные рассказчик и, конечно же, слушатель. Именно в этом межличностном общении данное произведение проходит проверку жизнеспособности. Из шутки КВН на злобу дня: Выборы пройдут под девизом «Выбери лицо, которое будет поздравлять тебя на Новый год!»

И еще один пример: Уже через две недели после трагедии, терактов 11 сентября 2000 г., американские сатирики издевались над Усамой Бен Ладеном и движением «Талибан», придумывая смешные рекламные объявления типа: «Талибан Барби» или куклы «Джихад Джо», а также переписывали популярные песни. Юмористы переносят Бен Ладена из исламского культурного контекста в нелепый, отчетливо американский. Эти примеры подтверждают правоту великого Чарли Чаплина, когда-то сказавшего: «Если не смеяться в тяжелые минуты жизни, то можно сойти с ума».

Воспитание чувства юмора у человека связано с развитием у него способности не бояться быть смешным, смеяться над собой, видеть

абсурдность ситуации, которая пугает, и контролировать ее, подходить с усмешкой к трудностям. Примеры шуток: Если все время спорить с самим собой, истина рождается от другого. Или же: Когда много денег, как-то легче переносится, что не в них счастье.

Цель шутки не просто вызвать смех – это определенный способ влияния на любую аудиторию. С помощью шутки, юмора можно руководить групповыми интересами, создавать условия для коллективных действий и, что очень важно, формировать коллектив. Ведь в народе говорят, что смех действует даже на того, на кого уже ничего не действует и не влияет. А психологи считают, что юмор – это показатель морального здоровья личности и коллектива.

Однако известно, что шутка в одних случаях имеет позитивное значение, а в других дает отрицательный результат – то есть шутить следует осторожно. Необходимо помнить, что нельзя высмеивать, шутить над личностью человека, его невольным промахом. Можно посмеяться над какой-то чертой характера, конкретным поступком, но не высмеивать его. Недопустимы и грубые, глумливые шутки, кривляния и т. п. Такие шутки могут вызвать конфликтную ситуацию, а не улыбку. Именно «Смех перебрасывает мостик между действительностью и видимостью и этим самым отвергает напыщенную официозность, преувеличение способностей и т. д.» [9, с. 51].

Но «говорящий субъект не является создателем смысла, это всего лишь продукт дискурсной формации. Именно дискурсная формация... задает извне матрицу смысла, диктует специфические ограничения, выбор доминанты, иерархию тем, а также создает самого субъекта, «призывая» его из ряда индивидов», – отмечает Н. В. Бардина [1, с. 113]. А процесс извлечения смысла из объекта и есть понимание, т. е. «...смыслопорождение, наделение смыслом того, с чем человек имеет дело» [8, с. 74].

Но кроме данного значения «понимания», как постижения смысла, можно отметить еще два, к которым мы обратимся:

– это обладание знанием (чаще всего о чем-нибудь ранее неизвестном), уразумение;

– то или иное толкование, интерпретация.

Интерпретация текстов и поиск человека «за текстом» либо «перед текстом» [10, с. 171] является важным принципом понимания языкового сообщения, так как смысл, передаваемый с помощью языка, произведен от концептуальных систем коммуникантов как систем мнения и знания [6, с. 263]. Но «и сами по себе языковые выражения не указывают на какие-либо объекты мира: указание как речевой акт осуществляется носителями языка как носителями определенных концептуальных систем» [7, с. 385].

Отсюда понимание языкового или неязыкового текста,... есть их интерпретация на том или другом уровне концептуальной системы [7, с. 388].

В отличие от литературного произведения, которое может пролежать на полке многие годы, а потом возродиться к жизни, шутки, анекдоты живут только тогда, когда что-то интересно слушателю и вызывает у него смех. Это будет рассказываться только для того, чтобы удовлетворить слушателя. Если же реакция будет негативной, то странно будет выглядеть человек, который пытается рассмешить аудиторию, навязывая ей тексты, которые она не принимает. Поэтому юмористическое произведение (шутка, анекдот) должно всегда быть принято, понято и рассказчиками и аудиторией.

Известно, что понимание языкового сообщения предполагает два неизменных предварительных условия: это знание (видение) структуры языка, его грамматического строя, и знание (видение) смысла слов и словосочетаний. Кажется очевидным, что при выполнении этих условий языковое сообщение может быть понято и соответственно переведено на другой язык, то есть, интерпретировано слушателем. В этой переводимости языкового сообщения с одного языка на другой (его интерпретация) проявляется возможность объективизации заключенного в нем содержания и возможность его воплощения в различных языковых структурах.

Так, одна из шуток гласит: Мало кто из русских задумывался, какое страшное значение имеют на английском языке слова «юрфак» и «химфак».

Можно привести еще пример, где языковыми средствами, обращаясь к шутке, точно подмечены характер и отношение к миру людей разных культур: Найдя муху в пиве, американец выливает пиво на пол, заказывает новое; англичанин платит за пиво, не прикоснувшись к кружке, уходит прочь; француз зовет официанта и требует налить заново; итальянец вынимает муху и выпивает пиво; русский ловит муху, выпивает пиво, бросает ее в пустую кружку и требует налить новую.

Это свидетельствует о том, что именно «мир становится предметом языка», а язык говорит человеком – утверждает Х.-Г. Гадамер [2, с. 520].

По сути, понимание любого текста, в том числе и шутки, пытается связать слова в смысл, а смысл отдельных слов – в структуру целого, данного в последовательности слов. Можно снова вернуться к Х.-Г. Гадамеру: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной

определенный смысл» [2, с. 318].

Вот один из примеров: В одном из Парижских кафе висит объявление: Здесь понимают даже тот французский язык, который вы учили в школе.

Или шутка из студенческой жизни, показывающая, как осмысливается одна и та же ситуация в зависимости от смысловых ожиданий: Идут экзамены. Студенты готовятся. Профессор читает газету. 1-й курс: газета медленно опускается вниз – шпаргалка прячется. 2-й курс: газета медленно опускается вниз – шпаргалка накрывается рукой. 3-й курс: газета медленно опускается вниз – учебник убирается под стол. 4-й курс: газета медленно опускается вниз – учебник закрывается и остается на столе. 5-й курс: газета медленно опускается вниз – из зала: – Хм – хм – хм! Газета быстро поднимается вверх.

То есть понимание языкового сообщения – понимание смысла – предполагает вхождение в определенную систему представлений, образующих целостный контекст, и предполагает вникание в смысловой контекст. Почти каждый язык содержит в себе свои средства перестройки больших фрагментов своего понятийного аппарата. Без этого невозможны были бы сказки, сказания о сверхъестественном, фольклор (к которому относится шутка, анекдот).

Но оказывается, что эта способность «перестройки больших фрагментов» своего понятийного аппарата и вообще системы своих представлений и есть способность создания внутренними средствами одного языка самых различных моделей: для одного и того же «смыслового контекста». В этом факте, данной здесь его интерпретации, можно увидеть и возможность адекватного перевода чужого «смыслового контекста» посредством построения его модели ресурсами данного языка. Но способность построения и совмещения в себе моделей для различных «смысловых контекстов» зависит от уровня развития языкового мышления. Ведь подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама же ответно и свободно раскрывает себя.

Так, для «модели» украинского юмора сегодня характерна актуализация жизнеутверждающего начала и ощущения свободы, которое он дарит. Ведь нельзя смеяться над тем, чего боишься. Можно смеяться над тем, что неприятно, ненавистно, но с чем уже находишь в себе силы бороться, когда готов подняться над своим страхом. Все, что становится смешным, – уже не страшно. Эта особенность была очень важна для Украины на протяжении предыдущего столетия. Она актуализировалась и в юморе ряда других постсоветских стран.

И здесь уместно вспомнить, опять же, одну из шуток КВН: Недавно бывшему президенту Украины Л. Д. Кучме вручили Нобелевскую премию. – А в какой области? – В Днепропетровской.

Именно на границе между наукой и человеческим действием, познанием и практикой вырастает круг выражений, в которых жизнь раскрывается в глубине, недоступной наблюдению, рефлексии и теории [4, с. 98]. «Имманентно правдивые» и «точно фиксированные» выражения, рождаемые в жизненном смысловом контексте, каковыми и является невозможная в рамках научной парадигмы модель – шутки и анекдоты, делают возможным достоверное постижение внутреннечеловеческого – духовности их создателей и того, кто воспринимает их.

Таким образом, отметим, что появление и существование шуток, анекдотов обусловлено обоюдными интересами (рассказчика и слушающего), а различное восприятие их окружающими связано с разным их пониманием. Ведь слушающий ощущает и воспринимает материальный облик слов в их связи, а осознает то, что ими выражается. И это осознание и понимание определяется:

- языковым выражением шутки;
- культурологическим контекстом ее существования;
- степенью подготовленности воспринимающего шутку.

Различные «смысловые контексты», «схемы мышления» выступают как рядоположенные, и наша задача заключается в том, чтобы понять одну из этих особенных форм через другую, адекватно перевести, воспроизвести ее, пользуясь средствами другой формы.

1. Бардина Н. В. Анекдот в системе дискурсивной формации // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип 2. Про природу сміху.– Одеса: Студія «Негоціант», 2002.
2. Гадамер Х–Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики.– М., 1988.
3. Котляр А. О Раблезианстве, «перце» и украинском юморе // Зеркало недели.– 2005.– № 51.
4. Кошарный С. А. Феноменология Гуссерля и опыт герменевтического основоположения гуманитарного знания в историческом наукоучении Дильтея // Философская и социологическая мысль.– 1990.– № 8.
5. Кухарук Т. Н. Шутка и ирония как метод постижения мира и человека в философии Сократа // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип 2. Про природу сміху.– Одеса: Студія «Негоціант», 2002.
6. Павиленис Р. И. Проблема смысла.– М., 1983.
7. Павиленис Р. И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов.– М., 1986.
8. Понимание как философско-методологическая проблема // Вопросы философии.– 1986.– № 7.
9. Федь В. Краса думки і розуму // Рідна школа.– 1997.– № 9.
10. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания.– Одесса, 1999.